

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

К 60-летию Великого Октября:

— выступают критики

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ и Мирослав ЗАГРАДКА (ЧССР)

—М. Горький и мы. Размышления литературоведа

Продолжаем спор вокруг рассказов Василия БЕЛОВА

Обращаемся к читателям

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

ся. Так, о сборнике «Поиски героя», написанном после «Орды» и «Браги», В. Шошин говорит: «Поиски героя» являют Тихонова поэтом открыто тенденциозного, гражданственного звучания. Условные образы «Браги» уступают место поэтически полноценной, эстетически выработанной политической лирике».

Правда, наряду с подобными оценками романтического искусства, где специфика его понимается как недостаток, В. Шошин верно говорит об особенностях романтических баллад и других пучих стихотворений Тихонова.

Таким образом, ясно, что исследователь противоречит сам себе, то соглашаясь со взглядами на романтизм, выработанными современным литературоведением, то склоняясь к тем, что были популярны вчера (согласно этим взглядам неконкретность романтических образов делает их ниже конкретных, психологических образных систем).

Из-за неточного критерия анализ некоторых стихотворений не попадает «в точку», они остаются нераскрытыми в своей идейно-художественной сути. Обращаясь к одному из лучших стихотворений цикла «Юрга» — «Аму-Дарья (Завернувшиеся в плащи)», В. Шошин пишет: «...Любопытно стихотворение «Аму-Дарья»... в котором чувствуется пафос увлечения работой, выполненной автором, и список незатейливых товаров для кооперации становится почти символическим, конкретно обрисовывая процесс борьбы за социализм».

Впечатление создается такое, словно речь идет о другом стихотворении, хотя сюжет его действительно повествует о работе, «выполненной автором» и его товарищами, — доставке по бурной реке товаров для местной кооперации. Но поэтический мир стихотворения, его романтическая атмосфера вовсе не приняты в расчет исследователем.

Вообще жаль, что в книге Шошина «пропадают» некоторые лучшие стихотворения Тихонова. В их числе глубоко драматичное «Ночной праздник в Алла-Верды», которое обозначило веку, важную для советской поэзии 30-х годов.

...На веселом, буйном, по-кавказски темпераментном празднике появляются слепые музыканты. Контраст обостряется: буйному веселью пирующих на празднике едва ли не противостоят эти слепые, отрешенные от радости люди. Те, кто вчера еще был на коне, в прямом и переносном

смысле слова, сегодня зарабатывают на хлеб, увеселяя подвыпивших людей. Но суть дела все же не в этом, а в чувстве внутреннего достоинства, духовной просветленности, свойственных слепым скрипачам. Причем источник этой просветленности, в их умении ощущать свою неослабевавшую связь с идеалами гражданской войны. Пусть они, ее бойцы, потеряли зрение, они духовно зрячие, и это уже навсегда.

...И увидел я: на шлеме след оставила звезда.

На лянцалом, нищем шлеме у слепого одного,

Что сидел совсем поодаль, пояса тихо теребя.

След пятиконечной звезды на красноармейском шлеме — не простое напоминание о прошлом героев, а многозначительная деталь, говорящая, что это прошлое живое. С такой высоты, насыщенной озоном революции, праздник начинает казаться чем-то отталкивающим. О веселящихся теперь сказано так: «люди чавкали и пели», они — «объезжавшие гости», — спят «впалку непробудно». И откровенной антитезой этому бездуховному бытию становится возвышенно-романтический портрет спящих музыкантов, который завершает стихотворение:

За Гомборами скитаясь,
миновав Телас вечерний,
Я ночные Алла-Верды видел
в пышности во всей.
Дождь накрапывал холодный,
серебром и старой чернью
Отчеканенные, спали
лица добрые друзей.

Оглядывая книгу В. Шошина в целом, далеко не во всем соглашаясь с ним, хочу повторить: наиболее существенное, важное и новое в ней — характеристика большого места, которое занимает в творчестве Тихонова личность поэта. Характеристика эта расширяет не только наше представление о творчестве Тихонова. Она имеет более общее значение.

ПАНОРАМА

В. Я. ПРОПП. — ПРОБЛЕМЫ КОМИЗМА И СМЕХА. М., «Искусство», 1976

Интерес к этой книге обусловлен прежде всего именем ее автора. Труды выдающегося литературоведа, фольклориста и этнографа В. Я. Проппа сегодня широко известны гуманитариям в разных странах мира. Монография «Проблемы комизма и смеха» — последнее крупное исследование ученого — увидела свет через шесть лет после того, как ушел из жизни ее создатель.

Читателю, знакомому с филологическим наследием В. Проппа, рецензируемая книга покажется во многом неожиданной. Прежде всего по самой проблематике: Пропп — фольклорист и этнограф — писал лишь о ритуальном смехе, в этом же труде его интересует сфера комического во всем ее объеме. Книга неожиданна и по стилю: простою изложения она заметно отличается от других книг ученого, хотя и им не свойственна стилистическая усложненность.

Круг рассматриваемых в труде явлений очень широк. Он включает примеры из русской и зарубежной классики, из лучших образцов советской сатиры и современных сатирико-юмористических журналов. В поле зрения исследователя попали отдельные явления театральной сатиры, кинематографа, циркового искусства, но основное место в нем отведено художественной литературе.

Литературоведческая наблюдательность В. Проппа и на этот раз поражает читателя. Очень интересны замечания о функции образа Фальстафа,

представляющего «тип комического оптимиста», и об отклонениях этого персонажа от простодушных клоунов (с. 115). Весьма содержательна лаконичная глава «Разгульный смех». Здесь этнограф Пропп приходит на помощь Проппу-литературоведу, рассматривающему смех, лишенный каких-либо явных границ. Обращаясь за примерами к творчеству Ф. Рабле и уместно ссылаясь на знаменитый труд М. Бахтина, автор монографии находит аналогии в русских сказках, вскрывая ритуальные корни комического преувеличения. В главе «Комические характеры», подтверждая свою мысль примерами из комедий Мольера и Гоголя, В. Пропп рассуждает о различии между комедией характеров и комедией интриги.

Отдельные главы этой книги представляют интерес и в плане философско-эстетическом. Убедительно полемизирует автор со сторонниками взгляда на суть комического как на своего рода противоречие между содержанием и формой. Поучительна попытка разобраться в смысле общеупотребительного, но трудно определяемого понятия «юмор».

В главе «Комические характеры» чрезвычайно любопытны наблюдения (на материале прозы Гоголя) над границами комического: «Если Плюшкин представляет собой как бы нижнюю границу комизма, за пределами которой идет уже отвратительное, то Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна представляют как бы верхнюю границу, за пределами которой уже начинается идиллия» (с. 111).

Выделив шесть видов смеха (насмешливый, добрый, злой и циничный, жизнерадостный, обрядовый и разгульный), а также ряд подвидов насмешливого смеха, В. Пропп суммировал свои эмпирические наблюдения — как правило, меткие и оригинальные. В избранной им методологии такого рода эмпиричность закономерна. Недостаток научной точности в некоторых определениях («жизнерадостный смех», например) и очевидное пересечение полей выделенных типов («пародирование» — «алогизмы» и т. п.) могли бы, по-видимому, исчезнуть в процессе восхождения авторской мысли от частных к обоб-

щениям¹. В нынешнем же виде эта «индуктивная» классификация в сочетании с заданной нетерминологичностью изложения не только сделала книгу доступной широкому читательскому кругу, но также привлекла к ней внимание большого отряда историков литературы, не питающих специального интереса к теоретическим построениям.

При всем при том засилье (в ряде глав книги) эмпиричности приводит к издержкам, в частности — к субъективизму оценок и суждений, который абсолютно чужд лучшим трудам автора «Морфологии сказки». На наш взгляд, субъективны замечания о длиннотах в «Дон-Кихоте» Сервантеса и романах Ильфа и Петрова (с. 166), о «нехудожественности» популярного рассказа Марка Твена (с. 172); неприлично для поклонников Проппа-исследователя и оценочно-вкусовое суждение: «Гоголь предстал перед нами как величайший из всех (! — М. С.) когда-либо творивших юмористов и сатириков, оставляя далеко позади себя всех других как русских, так и нерусских мастеров» (с. 6).

Однако под стихией эмпиричности и субъективности торжествует системно-научное мышление. Оно проявляется и в желании В. Проппа ясно наметить свои методологические позиции, и в неудовлетворенности многими из бытующих определений, и в умении полемизировать с авторами самими разными — от А. Бергсона до Л. Ершова.

Столь непохожая на другие труды о комическом, монография В. Проппа является новым, заметным шагом на пути к осмыслению сложнейшей темы.

М. СОКОЛЯНСКИЙ

Приходится сожалеть, что автору не удалось завершить свою книгу и вычитать в верстке. Будь это возможно, с ее страниц, наверное, исчезли бы мелкие неточности. Так, диалог О. Уайльда «Упадок лжи» ошибочно назван «статьей» (с. 99). Герой комедии Мольера «Мизантроп» причислен почему-то к старшему поколению (с. 117). Французские карикатуристы 1830—1840-х годов изображали в виде спелой груши не Людовика XVIII (с. 55), а Луи-Филиппа. Думается, издательству «Искусство» следовало бы выбрать для книги, издававшейся без авторского контроля, квалифицированного научного редактора.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Рекомендательный указатель литературы. Выпуск первый. **РОМАН. ПОВЕСТЬ.** М., «Книга», 1976. Выпуск второй. **ПОЭЗИЯ.** М., «Книга», 1977.

Вошло в традицию называть библиографов лоцманами книжных морей, путеводителями по странам книг и т. п. Банально, но верно было бы назвать спутником читателя новый труд библиографов Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, создавших рецензируемый указатель. В нем охватываются все роды и жанры нашей литературы, и в отличие от предыдущего пособия (А. Кунина, Е. Сахарова, З. Шалашова. — Советские писатели. М., «Книга», 1970) он рассчитан на читателя, знакомого с предметом.

Во всех четырех выпусках (из печати выйдет в ближайшее время «Драматургия. Кинодраматургия», а «Рассказ. Очерк» — позднее) развитие советской литературы показано как развитие именно многонациональной литературы; в них авторы романов и повестей, пьес и сценариев, поэм и стихотворений, написанных на семидесяти пяти языках, рассматриваются в «едином строю», в «семье единой». Поэтому указатель дает возможность охватить взглядом весь литературный процесс за шестьдесят октябрьских лет.

Известно, что в последние годы зарубежные критики и литературоведы пишут о «вырождении» и «кризисе» таких эпических форм, как роман и повесть, об «отсталости» и «ограниченности» литератур, в которых реалистическое освещается действительность.

Уже первый выпуск, посвященный развитию «большой прозы», по меньшей мере свидетельствует о шаткости подобных утверждений. В чем широко представлены роман-эпопея, социально-психологический, исторический, фантастический, сатирический роман и повесть.

В указателях по прозе и драматургии аннотации расположены по хронологическому принципу в соответствии с принятой периодизацией развития советской литературы (20-е годы, 30-е годы, годы Великой Отечественной войны, середина 40-х — середина 50-х годов, середина 50-х — середина 70-х годов). В разделе «Кинодраматургия» выделены лишь два периода (1924—1954